

ремыка проѣзжій не обезпеченъ въ самыхъ простыхъ, первобытныхъ потребностяхъ!..

— Кто говоритъ объ обезпеченіи?—раздалось за дверьми съ такою силою, что посуда у меня въ комнатѣ задребезжала.—Пустая мечта изнѣженныхъ поколѣній!.. Вся жизнь человѣка—одинъ непрерывный рядъ тревоженій, опасностей, и единственное, дѣйствительно-обезпеченное, совершенно спокойное его положеніе—это двѣнадцать локтей подъ землею,—въ гробу.

Смѣхъ и досада меня разбирали. Сна ни въ одномъ глазу. Я всталъ съ постели и засвѣтилъ свѣчу.

— Чортъ знаетъ что!—воскликнулъ я.—Эй! вы, голосъ за сценою! Ужъ если вы поклялись не давать мнѣ спать, такъ говорите хоть что-нибудь путное, а не такую безстыжую ерунду. Ну, на что похоже? Вѣдь это какая-то философія гробовыхъ червей, читающая отходную всему живому!

За дверью послышался шумъ, словно какъ что тяжелое поднялось, и что-то другое, тяжелое, отодвигалось.

— Иванъ Герасимовичъ! Иванъ Герасимовичъ!—тревожно увѣщевала вторая партія.

— Оставь! Онъ ложно понялъ меня. Въ жизни своей я не былъ еще ни разу такъ ложно понятъ!.. Я не могу... Я долженъ...

Ключъ шелкнулъ, дверь отворилась съ гуломъ, и я увидѣлъ передъ собой высокую, бородатую, сумрачную фигуру, съ взерошенной головой, въ очкахъ, въ халатѣ, накинутомъ епанчей поверхъ бѣлья,—съ виду лѣтъ подъ сорокъ. Это и былъ крикунъ. Онъ стоялъ съ чубукомъ въ рукахъ, важно откинувъ голову и оглядывая меня въ очки; а сзади, изъ-за его плеча, приподнимаясь на цыпочкахъ, суетливо и робко, какъ мышь, выглядывала фигурка его товарища, — тоже въ бѣльѣ. Въ глубинѣ номера виднѣнъ былъ слабый свѣтъ и край отодвинутаго отъ двери дивана, двойникъ котораго, какъ сторожъ въ минуту опасности вѣрный долгу, стоялъ на моей сторонѣ, заставой... Въ комнатѣ у меня вдругъ запахло удушливымъ дымомъ стараго Жуковского вакштафа.

Я собирался протестовать, но главный актеръ этой сцены предупредилъ меня.

— Позвольте, милостивый государь,—сказалъ онъ облокотясь на спинку и не смущенный, повидимому, ни мало странностью этой импровизированной каеэдры:—позвольте мнѣ вамъ замѣтить, что, вовсе не зная еще моей философіи, вы ужъ успѣли составить себѣ о ней совершенно фальшивое представленіе...

— Пойдите!—перебилъ я.—Вы ошибаетесь, если вы думаете, что философія—какая бы ни была...